

– Что ты творишь? Ты варишь? Варенье варишь? Конца и края твоему варенью нет. Кто его есть будет?!

А мне кажется, мама его для того и варила, чтобы сидеть у плиты и на багровую пену смотреть. И если бы не вишня, всплывающая на поверхность, можно было бы подумать, что в тазу не сироп, а кровь. Интересно, пенится ли кровь, когда кипит?

Варенье было давно. И компот тоже. Мама однажды перестала закатывать банки.

И ничего, что я об этом рассказываю, если я в этом и виновата? Ничего? Ничего я тогда даже сказать не могла. Говорить начала поздно, почти в четыре года. А случилось это, когда мне было три.

Это... будто интригую. На самом деле я просто не знаю, как назвать свой поступок.

Так вот, мне было три года. И маме было три года – три безвылазных из декрета года. В тот день она оставила меня с папой и ушла на рынок. Глотнуть свободы. А заодно купить помидоров, огурцов, билет в один конец, куда-нибудь подальше... Овощи взяла, а вот билетов не было, поэтому мама вернулась домой и, как бы это ни было пошло, ахнула. Хотя, полагаю, что «ах» состоял из букв «я», «л», «б». Спасительное сочетание звуков на все случаи жизни.

Я – трехлетняя – сидела у батареи из трехлитровых банок с персиковым компотом. В крышку каждой банки был вбит гвоздь.

Где я нашла молоток, как умудрилась не расколотить банки и голову себе заодно, папа не знал. Папа спал.

Сейчас уже без смеха не вспомнить, а тогда мама перестала катать.

А вот в двадцать пять я увидела кровь варенья и захотела сделать свою. Свое. Я представила, как это делала мама, вспомнила переживания бабушки: мол, не варит, не катает, вот были времена. Действительно, вот были. Когда меня не было.

Я купила килограмм вишни и позвонила маме. Та приехала тут же, чтобы уточнить, здорова ли я. Ведь в двадцать пять всем нам нужно только одно – и это не варенье. Это, например, замуж или хотя бы в клуб. Или хотя бы руководителям отдела. Или ребенка. Или процесс «до» ребенка. Акт. Акт творения.

Но меня сейчас интересовал акт варенья. Варения варенья. Красивое название, мягкое и уютное. Варенье – хочется в это слово носом. И уснуть.

– Мало вишни, – сказала мама.

– Куплю еще. А таз гляди какой! – Я принесла из комнаты большой латунный таз.

Нашла его накануне утром на блошином рынке. Мне пришлось встать в пять утра, ведь «блошки» работают с шести. И я до сих пор не поняла почему. Утром старые вещи пахнут и выглядят иначе? На восходе дня – восход старины. На закате – видно их трухлявость и усталость?

Непонятно.

Но таз был шикарен. Такой, словно степенный дед, умудренный опытом. Полный памяти и варенья. Памяти о варенье.

– А таз хорош! – подивилась мама.

Я сбегала на угол – к овощнику, купила вишни. Еще шесть кило. Мы перемыли ее с мамой, убрали черенки, листья. Я предложила убрать еще и косточки, но мама сказала, что с ними вкуснее. Кажется, она просто не хотела париться. А я хотела. Хотела испытать весь спектр удовольствий и цветов на перемазанных вишневым соком пальцах. Тем более на «блешке» я купила еще и старую советскую чеснокодавку. Почему у этой штуки нет своего названия?

Так вот, там снизу есть палочка с круглым набалдашником и выемка. Это же специально, чтобы кости у вишни убирать. Но надолго меня не хватило. На три кило хватило. Мама курила в окно и посмеивалась.

Я зажгла две конфорки, поставила на плиту таз, залюбавшись синими всполохами на золоте, вывалила семь пакетов сахара и добавила воду.

– Ну все, – улыбнулась мама.

– Что все? – Я не поняла.

– Начинается... Теперь пока все не перекаатаешь...

– Слушай, мам. Так я хотела на пару баночек сделать и в холодильник поставить.

– Здесь уже не на пару баночек. – Мама сияла, как латунный таз.

А я кипела, как варенье.

– Так, стоп! Ты же сказала, что мало. Надо еще. Мам!

– А я думала, ты побольше хочешь, чтоб и на зиму. – Мама уже хохотала.

– Но ты же мне pomoжешь?

– Конечно, я буду рассказывать тебе, что делать. – И она снова закурила.

– В цветок не стряхивай, вон пепельница, – надулась я.

Сахар растворился, я высыпала вишню, дождалась пены, забылась...

– Выключай давай, – вырвала меня из пенного забытья мама.

Процесс, конечно... Я оставила варенье на шесть часов, потом снова закипятила, потом оставила на ночь. А утром снова приехала мама, и мы снова закипятили варенье. Чуть не поругались, правда, из-за банок. Мама хотела, чтобы они были литровыми. А я у бабушки видела только литровые.

– Ну и мудохайся сама, – обиделась мама.

Так я сама и собиралась вроде. Мама же к банкам ни-ни.

Управилась я на удивление быстро для новичка. И банки не побила, и не обожглась, и даже таз не опрокинула на пол, хотя могла. Даже мама удивилась. Я закатала шесть литровых баночек, а седьмую не закатала, закрыла крышкой и убрала в холодильник.

Горячие еще банки завернула в папину старую шубу – ее мама принесла специально для этого дела – и выдохнула.

Хотя нет, еще таз мыть.

Выдохнула уже к вечеру, когда мама ушла. Она ушла довольная, посмеиваясь, мы даже больше положенного обнимались перед дверью.

Моя душа была спокойна: я наварила крови с ягодами, закрыла это все дело как полагается, выложила фото в социальные сети, в чаты скинула, с мамой даже сильно не повздорила в процессе. Идеальный день.

А наутро не удержалась и развернула шубу, чтобы глянуть на свои баночки.

В одну из них был аккуратно вбит гвоздь.

